

Шэнь Цзянань с мотыгой наперевес свирепо бросился на шумно спорящих знающих молодежь. Ли Цзяоцзяо от страха тут же отпрыгнула в сторону, с побледневшим лицом и дрожащими губами глядя на него, в то время как Гу Юй и остальные быстро подбежали, чтобы оттащить его.

— Цзянань, не горячись!

— Знающий Шэнь! Ступай же прочь!

— А-а-а-а! На помощь!

Цзян Хунмэй же в панике уперлась обеими руками о землю и быстро поползла назад, прижавшись к полевой меже и заливаясь слезами:

— Скорей, скорее держите его!

Однако юноша, услышав крики этой женщины и остальных, не только не остановился, но еще стремительнее подскочил к ней и с устрашающим видом заорал:

— Смотри, как я тебя прихлопну!

Услышав это, все изменились в лице. Как раз когда толпа решила, что Цзян Хунмэй сейчас получит удар по голове, от которого та разлетится, высоко поднятая мотыга яростно обрушилась рядом с Лу Сяюэ, стоявшей по левую руку от нее.

Бум!

Комок земли со стуком разлетелся вдребезги, а забравшаяся на него полосатая змея оказалась разрусена пополам. Все присутствующие от столь неожиданного поворота событий застыли на месте, ошеломленные.

Они тупо пялились на извивающиеся в предсмертных судорогах две половинки змеиного тела у ног Лу Сяюэ и лишь спустя долгое время сообразили: Шэнь Цзянань собирался вовсе не бить человека, а спас ей жизнь.

Вмиг их чувства смешались: они подумали о том, что, хотя язык у юноши и был излишне остр, в критический момент он оказался добрым человеком. Совсем не то что Цзян Хунмэй, которая для вида улыбается каждому, а на деле — двуличная змейка под маской невинности.

Шэнь Цзянань не знал об их мыслях, да и не желал знать. В этот момент он тяжело дышал и безумно призывал в голове тот голос, пытаясь выяснить, действительно ли собеседник исчез.

— Эй! Ты еще здесь?

□.....□

— Чего молчишь? Трусишка?

□.....□

— Живой еще нет? Откинулся?

□.....□

Взгляд Шэнь Цзянаня слегка качнулся, и висевшее в горле сердце постепенно опустилось. Похоже, этот некто действительно растворился вместе с тем жужжащим звуком, вот только... неизвестно, временно это или навсегда.

Но в любом случае, это определенно к лучшему: короткое время ни он, ни Гу Юй не будут подвергаться никаким помехам. Стоит им только поторопиться и как можно скорее развернуть новый сюжет, как этот голос уже ничего не сможет им сделать.

Убедившись в этом, он наконец немного расслабился, отогнал мысли и посмотрел на толпу. Заметив, что все окружили его плотным кольцом и наперебой галдят, он почувствовал себя ужасно неуверенно и поспешно подал голос:

— Я, я в порядке.

Увидев, что тот наконец пришел в себя, Гу Юй наконец выдохнул, протянул руку, чтобы поддержать его, и спросил:

— Ты случаем не заболел? Все тебя звали, а ты ноль внимания.

— Точно! Знающий Шэнь, — нахмурившись, Чжао Ган принялся оглядывать стоящего перед ним юношу. — Только что ты выглядел полным чурбаном, я уж думал, тебя та змея до смерти напугала.

Уголки ртов Шэнь Цзянаня слегка дернулись, он виновато усмехнулся Чжао Гану и соврал:

— Да нет, я с утра толком не поел, а тут увидел змею, испугался, да так резко рванул вперед, что поднял слишком много шума и в глазах немного потемнело.

Услышав это, Лу Сяоюэ тут же достала из кармана половину батата и протянула обеими

руками ему:

— Знающий Шэнь, это тебе, поешь. Спасибо, что только что спас меня.

С этими словами она с искренним выражением лица поклонилась ему и лишь затем выпрямилась:

— Когда мы были в пункте знающей молодежи, я не только шла против тебя, но и наговорила о тебе немало гадостей. Прости, с сегодняшнего дня я обязательно исправлюсь и больше не стану судачить за чужими спинами — ни о тебе, ни о ком-либо другом.

Внешне Шэнь Цзянань никак не выказал эмоций, но в душе у него внезапно родился способ убить двух зайцев одним ударом: он защитит судьбу себя и Гу Юя и в то же время избавится от страха перед наказанием системы.

Он посмотрел на Лу Сяюэ, и уголки его губ тронула легкая улыбка:

— Раньше я тоже вел себя неправильно, главное — во всем разобраться. Все мы приехали в деревню служить родине, будем впредь жить дружно.

— Угу!

Заметив такую великодушность юноши, Лу Сяюэ прониклась к нему еще большей симпатией. Она тут же протянула батат чуть ближе и с виноватой улыбкой произнесла:

— Это подарок в знак извинения. Хоть и простовато, но от всего сердца.

— Хорошо, спасибо!

Шэнь Цзянань охотно принял угощение и тут же засунул его в карман одежды. Лу Сяюэ вовсе не обиделась, лишь отошла в сторону, подняла свою мотыгу и позвала товарищей продолжать работу.

После устроенного переполоха у людей пропало всякое желание продолжать ссориться с Цзян Хунмэй. Все они познали голод, а потому прекрасно понимали, что трудодни куда важнее пустых споров.

Чжао Ган и Чжао Хунцзюнь, видя такую сознательность знающей молодежи, почувствовали, как гнев, вызванный Цзян Хунмэй, мгновенно улетучился. Однако заметив, что та всё еще сидит в поле и всхлипывает, их лица вновь помрачнели:

— Чего ты расселась как дура? Всё еще хочешь мешать остальным работать и зарабатывать трудодни?

Услышав это, Цзян Хунмэй почувствовала себя смертельно обиженной. Она никак не могла взять в толк: почему всего за один день все вокруг переменялись? Они больше не понимают ее, не поддерживают, напротив — каждый норовит уколоть. На какой-то миг ее захлестнула такая глубокая печаль.

— Я...

— Какая еще я?

Видя, что она снова распустила нюни, Чжао Хунцзюнь раздраженно рявкнул:

— Все сегодняшние неприятности из-за тебя! Говорю тебе: если и дальше будешь плохо работать и приставать к знающему Гу, я доложу о твоём поведении куда следует.

От этих слов на сердце у Цзян Хунмэй стало еще тоскливее, но она знала, что против лома нет приема, а потому была вынуждена проглотить обиду целиком.

— З-знаю...

Увидев ее покорность, все вокруг немного удивились — ведь эта девица обычно сыпала высокими материями да любила спорить. Но, поразмыслив, они поняли: она только что навлекла на себя всеобщий гнев, и если продолжит упрячиться, дальнейшая жизнь здесь станет еще невыносимее.

Гу Юй равнодушно скользнул по ней взглядом. Поняв, что после случившегося она какое-то время не посмеет к нему приставать, он дернул за рукав Шэнь Цзяняня:

— За работу.

— О, ладно!

Юноша поспешно подхватил мотыгу и, шагая следом, заговорил:

— Брат Гу, мы столько времени потеряли, сможем ли заработать полные трудодни?

Гу Юй кивнул:

— Не бойся, успеем!

Подумав секунду, он обернулся и добавил:

— Даже если не успеем, я тебя прокормлю.

С этими словами, оставив ошеломленного юношу в растерянности, он отпустил его руку, зашагал прямо вперед и принялся усердно махать мотыгой.

Шэнь Цзянань на мгновение замер, его щеки почему-то порозовели, и он поспешно уткнулся носом в землю, перебравшись на другой участок, где тоже принялся полоть сорняки.

Сельчане, видя такую прыть парочки, ощутили легкое беспокойство и, уже не дожидаясь окриков Чжао Хунцзюня, разошлись по своим местам и принялись за дело с удвоенной силой.

В конце концов, глазеть на представления можно в любое время, а если останешься без трудодней — придется голодать. И вот уже на всей пашне только и оставалось, что Цзян Хунмэй, сидевшая на земле напротив Чжао Гана и Чжао Хунцзюня. Те переглядывались с таким видом, будто не знали, плакать им или смеяться.

— Барышня, не собираешься вставать? Не видишь, что ли, все работают? Или хочешь быть особенной?

— Н-нет, не хочу.

Испугавшись, что Чжао Ган пришьет ей очередное обвинение, Цзян Хунмэй поспешно поднялась на ноги. Она бросила полный обиды взгляд в сторону Гу Юя, но дорогу ей преградила чья-то фигура. Наткнувшись на пронзительный взгляд Чжао Хунцзюня, она испуганно вздрогнула.

Она тут же отвернулась, вскарабкалась на полевую межу, помогая себе руками и ногами, и молча вернулась на свой надел, уткнувшись лицом в землю, принялась полоть сорняки. Чжао Ган и Чжао Хунцзюнь отвели глаза, обменялись взглядами и, заложив руки за спину, разошлись по своим постам.

На полях вновь воцарилась суeta. Потрудившись на совесть, люди дождались свистка об окончании работы. Знакомые собирались вместе, закидывали на плечах сельхозинвентарь и брели домой, болтая о том о сём — за разговорами дневная усталость постепенно испарялась.

Стоило прозвучать свистку, как Гу Юй с Шэнь Цзянанем сорвались с места и умчались так быстро, что посторонние подумали бы, будто они спешат на перерождение. Цзян Хунмэй же впервые воочию осознала, что эти двое просто избегают ее. На какой-то миг в ее сердце зародилась неопиcуемая, смутная злоба.

Распрямив спину, она поднялась на межу и, глядя на удаляющиеся фигуры, сощурила глаза со

злобным блеском, который, впрочем, тут же исчез, сменившись полными обиды и печали глазами.

Чжао Цзяньго вместе со своим закадычным дружкой Чжао Дацяном, Чжао Чанцзяном и еще несколькими парнями из деревни с веселым гомоном возвращались со стороны горных складов. Тут-то они и увидели Цзян Хунмэй, которая, словно кролик с красными от слез глазами, стояла на меже и жалобно смотрела на него.

— Цзяньго...

Этот зов прозвучал так глубоко и томно, что сердце Чжао Цзяньго в тот же миг смягчилось. Мысленно выругав себя за слабость, он все же не смог удержаться — сделал несколько шагов вперед, остановился у нижней межи и запрокинул голову:

— Чего тебе?

Когда Цзян Хунмэй услышала его мягкий голос, у нее защемило в глазах. Влага заволокла ее прекрасные миндалевидные глаза, сделав их еще более сияющими, а слезинки, катившиеся по щекам, сверкали на солнце разноцветными бликами и упали прямо на протянутую ладонь Чжао Цзяньго.

Хлоп!

Этот тихий звук раздался между ними. И без того не слишком стойкое, заледеневшее сердце Чжао Цзяньго в одно мгновение растаяло. Он смотрел на девушку, и его взгляд постепенно затуманился от наваждения:

— Что ты хотела сказать?

Щеки Цзян Хунмэй слегка порозовели:

— Я хотела с тобой...

— Чего это ты там захотела?!

Не дав ей договорить, выскочил Чжао Дацян и, тыча в нее пальцем, разразился бранью:

— Разве у тебя не появился жених? Какого черта ты продолжаешь крутиться возле моего брата? Возомнила себя небожительницей, вокруг которой крутится весь мир?

Говорю тебе, дядя Цзяньчэн уже подыскивает Цзяньго невесту, так что перестань к нему

приставать. Еще не хватало, чтобы девушка расстроилась, услышав слухи!

Он выпалил все на одном дыхании, обрушив на Цзян Хунмэй целый град упреков. Та растерялась, застыла на месте и, глядя на говорившего, недоверчиво спросила:

— П-правда то, что он говорит?

Голос Чжао Цзяньго слегка охрип:

— Правда!

— Почему?

Сорвалось с губ Цзян Хунмэй:

— Разве ты не говорил, что женишься только на той, кого полюбишь, и не собираешься слепо следовать навязанному браку?

— И что с того? — громко возразил Чжао Цзяньго.

Ты же прекрасно знаешь, кого я люблю!

Стиснув зубы, он проговорил шепотом, а его глаза налились кровью:

— Раз уж человек меня не хочет, какого черта я буду навязываться и унижаться?

К тому же, слепой брак — не такая уж плохая вещь. Ли бы девушка была добра и заботлива, а я...

Он демонстративно отвернулся, и голос его невольно смягчился, смешав в себе обиду и легкую печаль:

— Лишь бы мне больше не приходилось ублажать кого-то холодным лицом!

— Цзяньго...

Тело Цзян Хунмэй слегка задрожало, от его слов в груди защемило. Она никак не ожидала, что этот образованный парень произнесет подобное — это невероятно ее разочаровало.

— Ты серьезно хочешь жениться на той, к кому не испытываешь чувств?

Чжао Цзяньго приоткрыл рот, но так ничего и не ответил. Однако в глазах Цзян Хунмэй это выглядело как молчаливое согласие. На сердце у нее поднялась буря, она сдавленно вздохнула, из последних сил сдерживая позывы к плачу, и выдавила из себя уродливую улыбку:

— Раз ты всё решил, отговаривать не стану. Заранее желаю тебе счастья.

Не договорив, она не удержала слез, закрыла лицо руками и бросилась бежать. Кто же знал, что из-за слишком быстрой беганины она оступится и полетит с верхней межи прямо в поле.

— Хунмэй! — видя, как та изображает стойкость, Чжао Цзяньго до боли в сердце пожалел ее. Забыв обо всяких там невестах, он кинулся ей на помощь.

А Цзян Хунмэй, услышав его зов — то ли от обиды, то ли еще от чего — во всю мочь завопила так громко, что, казалось, ее крик был слышен за пять ли. Так что все обитатели пашни тут же уставились в их сторону.

И надо же такому случиться: все как один увидели, как Чжао Цзяньго сломя голову бросился к ней, долго препирался в стиле мексиканских сериалов — я тебя понесу, нет, не надо меня нести — после чего бережно взвалил ее на спину и со счастливым выражением лица направился в сторону пункта знающей молодежи.

— Судя по этому зрелищу, в семье старого Чжао скоро будут гулять свадьбу.

Жена Чжао Даю, Цзян Хун, сияла улыбкой, хотя в душе откровенно насмехалась. Стоявшая рядом Лю Цзюаньэр подняла глаза на удаляющиеся спины, поджала губы и покачала головой:

— Не факт! Пока не переступили порог брачной ложницы, всякое может случиться.

Несколько других баб тоже вставили свои пять копеек:

— Тьфу! Подумать только, старший сын секретаря такой однолюб!

— И не говори! Вчера я слышала, как знающая Цзян собственной персоной признала, что Гу Юй ее жених. Паренька Цзяньго тогда едва кондратий не хватил, с чего это они вдруг снова сошлись?

— Ой! Если секретарь узнает — лопнет со злости. Собственный сын готов подбирать объедки с барского стола! Похоже, позору его семьи в Коммуне «Хунци» не будет конца!

— Ли Чуньлань, ты, бесстыдная потаскуха, что ты мелешь?! Кто тут объедки подбирает, кто позорится?!

Пронзительный голос Цинь Фэнъин раздался у них за спиной. Перепуганные женщины с визгом обернулись и увидели, что та бежит прямо на них с перекошенным от гнева лицом, а следом за ней шагает с мрачным выражением лица сам парторг коммуны Чжао Цзяньчэн.

У всех мгновенно выступил холодный пот. Они мысленно похоронили себя: связаться с этой парочкой, особенно с Чжао Цзяньчэном, означало, что покоя не видать ни им самим, ни их мужьям, ни даже всему клану.

Разве Чжао Цзяньчэн из их деревни, да и те же примеры с другими... Впрочем, разве Чжао Цзяньчэн не пример?

В деревне Синхуа исторически жили две крупные фамилии — Чжао и Чэн. Много лет назад клан Чэн держал семью Чжао в ежовых рукавицах.

Однако позже случилась история с семейством помещика Чэна — того самого, что повесился в полугорной усадьбе, где сейчас живут Гу Юй и остальные, — и род Чэнь постепенно пришел в упадок.

Из-за этого инцидента на членов клана Чэн постоянно доносили и травили их: как-никак, а с той семьей помещика они состояли в дальнем родстве. Правду не скажешь, да и времена тогда стояли суровые — ради выживания приходилось ходить пригнувшись.

А потом к власти пришел Чжао Цзяньчэн, его брат Чжао Маньцзян стал начальником цеха на ткацкой фабрике, и семья Чжао пошла в гору. Их положение перевернулось с ног на голову, а для рода Чэн жизнь окончательно превратилась в ад.

Чжао Цзяньчэн вечно находил поводы урезать клану Чэн пайки и трудодни. На распределение работ отправлял туда, где горше всего.

А Чэн Ху из-за своей излишней прямооты несколько раз публично перечил секретарю, защищая сородичей, за что Чжао Цзяньчэн затаил на него смертную обиду.

Несколько лет назад, во время сбора урожая, когда настала очередь Чэн Ху дежурить ночью, кто-то надел ему на голову мешок и избил до полусмерти, раздробив коленную чашечку на левой ноге.

Его отец, Чэн Чжунминь, раздобыв где-то рецепт лекарства, во что бы то ни стало решил идти в горы собирать травы для лечения ноги сына. И не вернулся. Когда односельчане отыскиали его, он уже висел петле на дереве.

Даже самый глупый человек, взглянув на этот труп, понял бы, что дело нечисто: ни у одного повешенного на шее не останется двух явных следов удушения.

Один след шел вертикально вверх, а другой тянулся прямо посредине шеи назад. Причем этот след был глубоким и широким, плоть оказалась разрезана каким-то предметом, а свежая кровь обагрила добрую половину шеи.

<http://bllate.org/book/22418/2353675>